

Е. Ю. КОЛЫШЕВА

Проблема установления основного текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»*

С момента появления романа Булгакова «Мастер и Маргарита» в печати прошли десятилетия. Существуют две фундаментальные научные концепции, воплощением которых стали два разных текста:

1) текст, подготовленный А. А. Саакянц и опубликованный издательством «Художественная литература» (1973);

2) текст, подготовленный Л. М. Яновской и опубликованный издательствами «Днипро» (1989, т. 2) и «Художественная литература» (1990, т. 5).

Отличия между этими двумя текстами обнаруживаются с самых первых строк романа:

Текст романа, подготовленный А. А. Саакянц	Текст романа, подготовленный Л. М. Яновской
«Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина».	«В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан».

Издание романа до настоящего времени осуществляется по указанным текстам, следовательно, читатели и исследователи пользуются разными его вариантами, что говорит о давно назревшей необходимости рассмотреть вопрос об установлении основного текста романа.

Источником установления основного текста романа «Мастер и Маргарита», на наш взгляд, следует считать его шестую (последнюю)

* Впервые: *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст: в 2 т. / сост., текстол. подгот., публ., предисл., коммент. Е. Ю. Колышевой. М.: Пашков дом, 2014. Т. 2. С. 5–87. Публикуется в новой редакции.*

редакцию (1938–1940)¹. В связи с тем, что Булгаков не успел завершить окончательную правку романа, для установления основного текста, максимально следующего за волей автора, необходимо исследовать всю систему правки. В связи с этим обозначим составляющие шестой редакции:

1) Машинопись, напечатанная О. С. Бокшанской под диктовку Булгакова в 1938 г. (Ф. 562. К. 8. Ед. хр. 2–3; К. 9, Ед. хр. 2; К. 10. Ед. хр. 2)².

2) Машинопись 1938 г. с правкой 1938–1940 гг., имеющей несколько слоев (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2).

3) Тетрадь с записью Булгакова на титульном листе: «Мастер и Маргарита. Роман. Отделка», содержащая варианты начала первой главы и первый вариант эпилога (Ф. 562. К. 9. Ед. хр. 1).

4) Тетрадь с новыми вариантами фрагментов романа, написанными Е. С. Булгаковой под диктовку Булгакова, начиная с 4 октября 1939 г. (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1).

5) Машинопись, напечатанная Е. С. Булгаковой в 1939–1940 гг. Точкой отсчета шестой редакции романа является машинописный текст, напечатанный О. С. Бокшанской под диктовку Булгакова в 1938 г. Булгаков диктовал по черновикам пятой (последней рукописной) редакции романа — «Мастер и Маргарита» (1937–1938). В процессе диктовки совершенствовались как отдельные слова, так и целые фрагменты и эпизоды, создавались новые страницы романа.

Характер печати О. С. Бокшанской отличается точность, строгое следование за диктовкой Булгакова. В этом ключе можно рассмотреть постановку в машинописи ударения в словах типа «мúка». Большое значение для понимания авторского замысла, таким образом, имеет поставленное О. С. Бокшанской ударение в имени *Бангá* (машинопись 1938 г.; с. 25), печать буквы «ё», что особенно важно относительно фамилии *Понырёв* (с. 81). В этом отношении примечательны слова Е. С. Булгаковой: «Оленька, голубчик мой, очень жду от тебя письма. Люблю твои письма за их толковое изложение всех дней и событий. Что значит привычка — секретарства!» (письмо от 20 апреля 1940 г.,

¹ В статье представлена система редакций, установленная нами в процессе исследования всего корпуса черновиков романа Булгакова «Мастер и Маргарита». См. подробнее: *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 1. 840 с.; т. 2. 816 с.

² Здесь и далее ссылки на рукописи приводятся в соответствии с описью архива М. А. Булгакова в НИОР РГБ (Ф. 562), составленной М. О. Чудаковой. Ссылки на машинописные тексты, являющиеся источниками шестой редакции романа Булгакова «Мастер и Маргарита», даются с указанием года и номера страницы в скобках.

написанное Е. С. Булгаковой из Ялты; Ф. 562. К. 32. Ед. хр. 34. Л. 3). Сама же Ольга Сергеевна эту свою способность связывала с навыком «запоминать точные выражения В. И.» (письмо О. С. Бокшанской Е. С. Булгаковой от 25 апреля 1940 г. Музей МХАТ. А № 4104/1. Л. 3), т.е. В. И. Немировича-Данченко, секретарем которого она служила во МХАТе.

Однако, несмотря на высокий профессионализм О. С. Бокшанской, в машинописи 1938 г. все-таки присутствует ряд погрешностей. Это опечатки и ошибки, допущенные при печати и обусловленные сложностью восприятия диктуемого текста на слух, например: «За ним по три в ряд полетели всадники, в туче пыли, запрыгали кончики легких пик, мимо прокуратора понеслись казавшиеся особенно смуглыми под белыми тюрбанами лица с весело оскаленными сверкающими зубами» (машинопись 1938 г.; с. 49)³. Следует обратить внимание на запятую, поставленную после словосочетания «в туче пыли». По-видимому, в процессе диктовки Булгаковым была сделана пауза, и поэтому здесь поставлена запятая. Между тем обстоятельство «в туче пыли» относится к «кончикам пик». См. в тексте пятой редакции: «полетели всадники в чалмах, запрыгали в туче мгновенно поднявшейся до самого неба белой едкой пыли, кончики легких пик <...>» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7. С. 87).

Сюда также следует отнести погрешности печати восклицательных и вопросительных знаков и абзацных отступов, например: «— Огонь, — страшно прокричала Маргарита» (машинопись 1938 г.; с. 479). При этом в последней рукописной редакции в данном фрагменте предложения такого типа являются восклицательными (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 12. С. 1032).

«— Сядьте-ка, — вдруг повелительно сказал Воланд. Маргарита изменилась в лице и села. — Может быть, что-нибудь хотите сказать на прощанье? — спросил Воланд» (машинопись 1938 г.; с. 359). Если взглянуть на данный фрагмент как на единый абзац, то сочетание «спросил Воланд» является лишним, что было учтено при печати машинописного текста Е. С. Булгаковой в 1940 г.

³ Здесь и далее текст черновики передается с помощью метода динамической транскрипции. В статье используются следующие условные обозначения.

Текст, вычеркнутый писателем, заключен в прямые скобки и выделен курсивом — [текст].

Вставка первого слоя рукописной правки (текст, вставленный писателем в процессе письма) передается полужирным шрифтом — текст.

Вставка второго слоя рукописной правки — {текст}.

Завершение страницы и переход к следующей обозначены двумя прямыми вертикальными чертами ||.

По всей видимости, Булгаков при диктовке не обозначал восклицательные и вопросительные знаки, а также абзацные отступы в тех случаях, когда они очевидны, как в приведенных примерах.

Кроме того, в машинописи 1938 г. присутствуют ошибки, вероятно, допущенные при диктовке текста самим Булгаковым:

1) По инерции, например:

«Он || втянул живот, ногтями вцепился в концы перекладин, голову держал повернутой к столбу Иешуа, злоба пылала в глазах Дисмаса» (С. 231–232). Наше знание о соответствующих реалиях (т.е. о форме креста, используемого для казни), а также контекст фрагмента подсказывают, что слово «перекладин» должно стоять в форме единственного числа, ср. в том же фрагменте:

«Дисмас напрягся, но шевельнуться не смог, руки его в трех местах на перекладине держали веревочные кольца» (с. 231).

«Первый из палачей поднял копье и постучал им сперва по одной, потом по другой руке Иешуа, вытянутым и привязанным веревками к поперечной перекладине столба» (с. 231).

Такая же картина и в пятой редакции. Таким образом, ошибка имеет механический характер и вкралась в машинопись при диктовке текста пятой редакции по инерции: «Десмас [*хотел*] напрягся, но шевельнуться не смог, руки его в трех местах на перекладине держали веревочные кольца. || Он втянул живот, ногтями вцепился в концы перекладин, голову держал повернутой к столбу Иешуа, злоба пылала в его глазах» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 9. С. 489–490).

2) В процессе изменения текста, например:

«Ведь я же сам не далее, как ночью позавчера, доказывал Ивану о том, что тот встретил на Патриарших именно сатану, а теперь почему-то испугался этой мысли и начал что-то болтать о гипнотизерах и галлюцинациях» (машинопись 1938 г.; с. 475). Ср. в пятой редакции: «Да, ведь я же сам не далее как ночью позавчера говорил Ивану Бездомному о том, что встреченный им именно дьявол» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 12. С. 1023). В процессе диктовки данного предложения слово «говорил» было заменено на более экспрессивное «доказывал», а продолжение конструкции «о том» продиктовано по инерции.

Одним из источников шестой редакции романа является машинописный текст, который напечатан Е. С. Булгаковой в 1939–1940 гг. И роль его для установления основного текста романа велика и недооценена другими исследователями.

Нам известны три экземпляра данной машинописи:

1) экземпляр машинописи, принадлежавший Н. А. Земской-Булгаковой, а затем Е. А. Земской;

2) экземпляр машинописи, принадлежавший Е. А. Светлаевой (его копия была нам любезно предоставлена В. Ф. Дименко);

3) экземпляр машинописи, принадлежавший П. С. Попову и хранящийся в его архиве в НИОР РГБ (Ф. 547. Ед. хр. 11. К. 2–3).

Исследование обозначенных источников привело нас к выводу о том, что это экземпляры одного машинописного текста.

На основе этой машинописи был создан еще один текст. В настоящее время он хранится в Государственном литературном музее — в отделе рукописных фондов Мемориального кабинета А. В. Луначарского в архиве М. А. Булгакова (Ф. 127. Оп. 2. Д. 8–9). Изучение данного текста позволило сделать вывод о том, что он был перепечатан Н. А. Земской-Булгаковой с машинописного текста 1939–1940 гг. В результате сопоставления текста, установленного с учетом всей системы правки (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1–2.), и текста машинописи 1939–1940 гг. мы выявили большое количество разночтений. Исследование данных разночтений продемонстрировало, что часть машинописного текста, напечатанного Е. С. Булгаковой, была создана при жизни Булгакова под его диктовку: была осуществлена правка отдельных слов и написаны новые варианты некоторых фрагментов.

В дневнике, «записях болезни» и настольном календаре представлены записи Е. С. Булгаковой о регулярной работе над романом. Одна из них (25 декабря 1939 г.) напрямую указывает на работу над машинописным текстом: «С 7–8 печатание романа» (Ф. 562. К. 29. Ед. хр. 4. Л. 5). Запись в дневнике от 15 января 1940 г., скорее всего, также указывает на печать машинописи: «Миша, сколько хватает сил, правит роман, я переписываю» (Ф. 562. К. 28. Ед. хр. 29. Л. 32 об).

Свидетельство того, что в данный период Е. С. Булгакова действительно переписывала роман на машинке, есть в воспоминаниях С. А. Ермолинского, самого близкого друга Булгакова: «Кажется, именно с этого времени (речь идет о периоде после случившейся трагедии, связанной с пьесой “Батум”. — *Е. К.*) он стал носить темные очки, надевая их, когда выходил на улицу. Ему казалось, что все показывают на него пальцем. Старался как можно больше сидеть дома. В театр или ко мне его сопровождала Лена. Иногда я заменял ее. И теперь все дела были возложены на Лену — денежные, театральные. Кроме того, она стучала на машинке, перепечатывая очередную правку его романа <...>»⁴.

В воспоминаниях С. А. Ермолинского зафиксировано еще одно свидетельство, касающееся создания машинописного текста, причем оно содержится в той части книги, где речь идет о феврале 1940 г.:

⁴ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. М.: Аграф, 2002. С. 152.

«Почти до самого последнего дня он беспокоился о своем романе, требовал, чтобы ему прочли то ту, то другую страницу.

Сидя у машинки, Лена читала негромко: “С ближайшего столба доносилась хрипая бессмысленная песенка. <...> В паху и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело”»⁵.

С. А. Ермолинский здесь фиксирует характер работы над романом в эти последние дни: печать текста Еленой Сергеевной, чтение отдельных страниц и правка в них.

Об этом же говорит характер изменения текста. Исследование и сопоставление текста, установленного с учетом всей системы правки (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1–2), и текста машинописи 1939–1940 гг. позволило сделать вывод о том, что при жизни Булгакова роман был перепечатан до главы 19 включительно.

Е. С. Булгакова в устном рассказе М. О. Чудаковой отметила: «В 1940 году он сделал еще вставки в первую часть — я читала ему. Но когда перешли ко второй и я стала читать про похороны Берлиоза, он начал было править, а потом вдруг сказал: — Ну, ладно, хватит, пожалуй. — И больше уже не просил меня читать»⁶. М. О. Чудакова рассматривает данное воспоминание в контексте рукописной правки, сделанной Еленой Сергеевной под диктовку Булгакова в машинописи 1938 г. (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2), которая действительно завершается на указанной сцене. Но практически параллельно с рукописной правкой в экземпляре машинописи 1938 г. шла печать новой машинописи.

Характер изменения текста в машинописи 1939–1940 гг. после главы 19 меняется: существенная правка осуществлялась в точке отдельных слов, новые варианты фрагментов, появлением которых характеризуется первая часть романа в машинописи 1939–1940 гг., здесь отсутствуют. Существенное изменение текста сделано в главе 26, но данная правка принадлежит Е. С. Булгаковой, например:

«Цель Иуды была близка. Он знал, что направо в темноте сейчас начнет слышать тихий шепот падающей в гроте воды. Так и случилось, он услышал его. Становилось всё прохладнее. Иуда слышал уже журчание воды.

Тогда он замедлил шаг и негромко крикнул» (машинопись 1938 г.; с. 406).

⁵ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. С. 185.

⁶ Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Записки отдела рукописей Гос. б-ки им. Ленина. Вып. 37. 1976. С. 140.

В машинописи 1939–1940 гг. отсутствует предложение: «Иуда слышал уже журчание воды» (с. 400). Данная правка объясняется, как и во многих других случаях, стремлением избежать повтора, которого, по сути, здесь нет. Если сначала Иуда находится в ожидании того, что услышит «тихий шепот» воды, а затем слышит его, то далее он подходит ближе к цели, и это передается тем, что он уже слышит «журчание воды». В нескольких предложениях через нарастающие звуки воды, ее становящуюся сильнее прохладу описывается движение и состояние персонажа. Кроме того, если убрать данное предложение, то слово «тогда», открывающее следующее предложение, потеряет смысл, т.к. будет утрачен референт в предшествующей части текста, к которому отсылает данное местоимение. В рассматриваемом фрагменте предложение «Иуда слышал уже журчание воды» представляет собой «точку отсчета» для дальнейших действий Иуды. Нельзя не согласиться с тем, что предложение «Становилось всё прохладнее» в роли антецедента для местоимения «тогда» выступать никак не может, ибо описывает постепенный процесс, никак не соотношенный во времени с какими-либо однократными действиями персонажа, в то время как слово «уже» указывает именно на начало действия в определенный момент времени, к которому и отсылает слово «тогда». Эта потеря антецедента, произошедшая при правке Е.С. Булгаковой, особенно отчетливо заметна, если мы трансформируем последние два предложения процитированного отрывка в одно сложное предложение: «Иуда замедлил шаг, когда уже слышал журчание воды» — грамматически и семантически валидное предложение, чего нельзя сказать о предложении «Иуда замедлил шаг, когда становилось прохладнее».

Эта и подобные ей правки, сделанные Е.С. Булгаковой в процессе печати, говорят о том, что, вопреки существующему в булгаковедении мифу, печать машинописи 1939–1940 гг. осуществлялась не по каким-либо дополнительным источникам, не поступавшим в архив НИОР РГБ⁷ или пропавшим⁸, а по машинописному тексту 1938 г. с правкой 1938–1940 гг. (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2–1).

Начало работы над новой машинописью следует отнести к периоду после 4 октября 1939 г.: в этот день начинается работа над новыми вариантами фрагментов и эпизодов романа в отдельной тетради (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1). Эти варианты учтены в машинописи 1939–1940 гг., более того, на них наслаивается еще один слой правки. Возможно, перепечатка текста началась не ранее 18 декабря 1939 г.: в этот день Булгаков и Елена Сергеевна возвращаются из Барвихи (Ф. 562.

⁷ Там же. С. 143, сноска № 197.

⁸ Яновская Л. М. Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2007. С. 363.

К. 29. Ед. хр. 4. Л. 2). В «записях болезни» от 25 декабря 1939 г. содержится прямое указание на печать машинописи: «С 7–8 печатание романа» (Л. 5).

Когда именно Елена Сергеевна вернулась к работе над машинописным текстом после смерти Булгакова, с точностью установить сложно. 12 марта 1940 г. состоялись похороны писателя. Через день Елена Сергеевна заболевает, но ее не оставляют мысли о необходимости работы над его творческим наследием, в т.ч. романом «Мастер и Маргарита», о чем свидетельствуют письма О.С. Бокшанской к матери, А.А. Нюренберг: «Она мужественный человек, твоя настоящая дочка, старается крепко себя сдерживать, все свое внимание направить на дело его памяти: она занята мыслями об издании его пьес, о чем вопрос уж стоит в писательской организации, она хочет привести в порядок свои дневники во время его болезни, закончить корректуру его романа, кот. он ей заповедал, перепечатать ряд его произведений, словом, дело большое впереди ей предстоит, и это хорошо, в этом она будет находить живой толчок к деятельности» (письмо от 18 марта 1940 г.; Ф. 562. К. 62. Ед. хр. 9. Л. 21). В марте 1940 г. О.С. Бокшанская занимается перепечаткой пьес Булгакова. В марте же Елена Сергеевна приступает к работе по подготовке к печати булгаковских произведений, о чем сообщает матери О.С. Бокшанская: «Бедная девочка, она так тоскует. Сегодня стали мы говорить по телефону, она заплакала, бедная моя. Я хотела было к ней поехать, позвонила к ней немного погодя, не приехать ли, но оказалось, что она уж сидит, работает над правкой пьесы» (письмо от 22 марта 1940 г.; Л. 23). Таким образом, возможно, Елена Сергеевна работала над правкой и перепечаткой романа уже в марте-апреле 1940 г. Но скорее всего после смерти Булгакова Елена Сергеевна возвращается к работе над романом не ранее июня 1940 г.

В дневнике 26 марта 1940 г. Е.С. Булгакова отмечает: «Фадеев (у меня) — о том, что надо сберечь все литер наслед. М.А. Обещание помощи и в этом и в отношении кварт. Настойч. уговоры ехать в Ялту, забрав с собой роман и машинку» (Ф. 562. К. 29. Ед. хр. 9. Л. 18). Е.С. Булгакова уезжает в Ялту 14 апреля 1940 г., где находится до начала июня, но роман и машинку с собой не берет в связи с тяжелым душевным и физическим состоянием. Приведем фрагмент из ее письма О.С. Бокшанской от 23 мая 1940 г.: «Не обращай внимания, если пишу нескладно. Голова работает с трудом. Сплю несколько лучше — беру на ночь душ теплый. Встаю в приличном настроении — с 16 числа у нас солнце и даже бывает тепло. Держусь кое-как в продолжение || дня. То есть тоска подстерегает на каждом повороте, но отгоняешь ее каким-нибудь внешним пустяком. Но зато с приближением вечера она вступает

в свои права. Я брожу по улицам. <...> Надо бродить и думать. Но думать о прошлом нельзя. Этого я еще себе позволить не могу. Отгоняю всячески. О будущем — нечего. В настоящем нет ничего. Пожалуй, жаль, что не взяла работы. Но с другой стороны, тогда бы я не отдохнула || физически» (Ф. 562. К. 32. Ед. хр. 34. Л. 9–10).

Но скорее всего и в июне 1940 г. работа над машинописным текстом не возобновилась. 11 июня 1940 г. состоялось захоронение урны с прахом Булгакова. О. С. Бокшанская в письмах своему мужу Е. В. Калужскому описывает то ужасное состояние, в котором находилась Елена Сергеевна: «Понимаешь, ее гложет мысль о самоубийстве, она только в нем видит для себя выход, останавливает мысль о ребятах» (письмо от 15 июня 1940 г.; Музей МХАТ. Ф. 10. А № 19570. Л. 1 об.); «А сама она говорит со мной и плачет, и весь день нынче, видимо, в слезах и душевной муке <...>» (письмо от 18 июня 1940 г.; Музей МХАТ. Ф. 10. А № 19571. Л. 1 об.).

Перепечатка романа завершается не позднее июня 1941 г., т.к. данный текст был закончен до начала войны.

Во-первых, об этом говорит свидетельство Е. А. Земской:

«В конце 1941 г. перед отъездом в эвакуацию мама дала мне три переплетенные тома — машинописный текст “Мастера и Маргариты”.

Я, не вставая с дивана, залпом прочла роман. Позже поняла: мама решила меня познакомить с этим романом, так как мы уезжали в неизвестность, а булгаковский архив оставался в нашей ростокинской квартире. Брат давал сестре на прочтение и хранение все свои произведения. У нас стоял целый “булгаковский” шкаф. Везти его с собой в теплушке в эвакуацию было невозможно. К счастью, это сокровище уцелело»⁹.

Как мы уже отмечали, Н. А. Земской принадлежал один из экземпляров рассматриваемой машинописи.

Во-вторых, об этом говорят свидетельства о чтении романа во время эвакуации в Ташкенте в 1941–1943 гг.: «В Ташкенте Елена Сергеевна многим давала читать роман “Мастер и Маргарита”. М. Алигер, со слов Фаины Раневской, писала о том, как Ахматова читала вслух куски из романа Булгакова и повторяла: “Фаина, это гениально, он гений!”»¹⁰. Факт чтения романа А. А. Ахматовой вместе с Ф. Г. Раневской зафиксирован в воспоминаниях Г. Л. Козловской¹¹.

⁹ Земская Е. А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 243.

¹⁰ Громова Н. А. Эвакуация идет... 1941–1944. Писательская колония: Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Совпадение, 2008. С. 93.

¹¹ Козловская Г. Л. Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 107.

Как отмечает Н. А. Громова, «“Мастера и Маргариту” читали в эвакуации очень многие, а уж Луговской и Ахматова, достоверно известно, неоднократно. В письмах Елены Сергеевны Татьяне Луговской в Алма-Ату встречаются порой приписки: “Как идет жизнь в Алма-Ате? Видите ли Вы Эйзенштейна и Пудовкина? Говорили ли с ними о романе М. А.?” Булгаковский роман незаметно входит в литературные тексты, оживает в них, подмигивает тем читателям, которые понимают»¹².

В воспоминаниях С. А. Ермолинского, в тот момент находившегося в ссылке в Алма-Ате, читаем: «Лена писала мне, что в Ташкенте она дает читать “Мастера и Маргариту” очень многим писателям. Я советовал ей быть поосторожнее, потому что народ там был разный»¹³.

Далее приведем фрагмент из письма Н. Я. Мандельштам Е. С. Булгаковой от 3 июля 1962 г., в котором содержится свидетельство чтения ею романа в эвакуации в Ташкенте:

«Дорогая Елена Сергеевна!

Хочу напомнить вам о нашем знакомстве, чтобы вы не удивились этому письму. Вы жили наверху на Жуковской улице в Ташкенте (“В этой комнате колдунья до меня жила одна”), а я приходила к брату (Е. Я. Хазин. — *Е. К.*), который жил под вами. Тогда-то я и прочла “Мастера”, которого мне очень давно хочется перечитать. Я запомнила огромное впечатление от этой книги, а вас — очень красивую — как вы спускаетесь со своей балаханы озорной походкой, надев на голову чью-то кэпку. Мы с Таней Луговской стояли внизу и смотрели на вас» (Ф. 562. К. 36. Ед. хр. 2. Л. 1).

Таким образом, часть машинописи 1939–1940 гг. была создана при жизни Булгакова, но все же не может рассматриваться как единственный источник установления основного текста романа. Изменения в тексте, присутствующие в машинописи 1939–1940 гг., до главы 19 включительно сделаны при жизни Булгакова, но не все сделаны им, т.к. печать многих страниц осуществлялась Е. С. Булгаковой самостоятельно по экземпляру машинописи 1938 г. с правкой (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2) и тетради с новыми вариантами некоторых фрагментов романа (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1). Данный вывод основан на исследовании логики текста, стиля Булгакова и характера печати и правки Е. С. Булгаковой. Несмотря на свое удивительно ответственное и трепетное отношение к текстам Мастера, Елена Сергеевна все же допустила в этом колоссальном, подвижническом труде ряд погрешностей. Рассмотрим наиболее частотные из них.

¹² Громова Н. А. Эвакуация идет... С. 252–253.

¹³ Ермолинский С. А. О времени, о Булгакове и о себе. С. 310.

1) Несоблюдение абзацных отступов, например: «Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится» (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1. С. 10). В машинописи 1939–1940 гг. данное предложение отнесено к предыдущему абзацу (с. 5). Между тем в тексте машинописи 1938 г. (с. 5) и пятой редакции (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7. С. 10–11) данное предложение представлено отдельным абзацем.

2) Нарушение границ предложения.

— Разделение предложения на два или более, например:

Машинопись 1938 г. (с. 32)	Машинопись 1939–1940 гг. (с. 33)
«На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; <u>на</u> лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; <u>запавший</u> беззубый рот с отвисшей нижней капризною губой».	«На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец. <u>На</u> лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью. <u>Запавший</u> беззубый рот с отвисшей нижней капризной губой».

Здесь следует обратить внимание на предыдущее предложение: «Так померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая» (машинопись 1938 г.; с. 32). Рассматриваемое в сопоставлении предложение мыслилось как одно целое, служащее описанием того, о чем говорится в предыдущем предложении. Такое же соотношение двух предложений находим и в пятой редакции (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7. С. 58). То, что эта часть текста мыслилась как описание, ярко демонстрирует оформление данного предложения в третьей редакции романа (1936): «<...> только ему померещилось, что лицо арестанта исчезло и заменилось другим — на лысой голове, криво надетый, сидел редкозубый венец; на лбу — смазанная свиным салом с какой-то специей разъедала кожу и кость круглая язва; рот беззубый, нижняя губа отвисла» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 4. С. 57). Вторая часть синтаксической конструкции служит описанием обозначенного в первой и отделена от нее тире, которое Булгаков, как правило, использовал в таких случаях.

— Соединение предложений в одно, например:

Машинопись 1938 г. (с. 84)	Машинопись 1939–1940 гг. (с. 90)
«Да нечего на меня так смотреть! <u>Верно</u> говорю!»	«Да нечего на меня так смотреть, <u>верно</u> говорю!»

3) Излишнее использование восклицательных знаков, например: «И повесил трубку, подлец» (машинопись 1938 г., с. 124; пятая

редакция — Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 8. С. 244; четвертая редакция — «Князь тьмы» — Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 6. С. 212). В машинописи 1939–1940 гг. в конце предложения, вместо точки, поставлен восклицательный знак (с. 134).

При этом отмечается большое количество случаев обратной замены, например: «— И мне жаль! — подтвердил неизвестный, — сверкая глазом, и продолжал» (машинопись 1938 г. С. 10; тетрадь с новыми вариантами отдельных фрагментов — Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 1. С. 19; см. также в пятой редакции — Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 7. С. 20; «Князь тьмы» — Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 5. С. 18). В машинописи 1939–1940 гг. (с. 10), вместо восклицательного знака, здесь поставлена запятая.

4) Пунктуация.

Иногда случаи правки в области пунктуации влияют на смысл и структуру предложения, например: «Быть может, у вас есть какая-нибудь печаль, отравляющая душу, тоска?» (машинопись 1938 г.; с. 329). В машинописи 1939–1940 гг. (с. 330) отсутствует запятая после слова «душу», отчего меняется соотношенность причастного оборота. Между тем определяемым для причастного оборота является слово «печаль». Ср. в пятой редакции: «Кстати: не страдаете ли вы чем-нибудь? Быть может, у вас есть какая-нибудь печаль, отравляющая душу, — спрашивал Воланд, глядя на огни свечей, — тоска?» (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 10. С. 749).

5) Правка повторов.

— Замена другой единицей, например:

Машинопись 1938 г. (с. 289)	Машинопись 1939–1940 гг. (с. 294)
«— Отдайте обратно, — в злобе <u>зашипел</u> Азazelло, — отдайте, и к чорту всё это. Пусть посылают Бегемота».	«— Отдайте обратно, — в злобе <u>закричал</u> Азazelло, — отдайте, и к чорту всё это! Пусть посылают Бегемота!»

В машинописи 1939–1940 гг. правка обусловлена тем, что в предложении, стоящем в этом фрагменте чуть ранее, также используется глагол «зашипел»: «— Это что же такое, — почти зашипел Азazelло, — вы опять?» (машинопись 1938 г., с. 288; машинопись 1939–1940 гг., с. 294). Но в этом предложении следует обратить внимание на наречие «почти», которое вносит дополнительный оттенок: в первом предложении Азazelло лишь собирался зашипеть, а во втором — действительно зашипел; таким образом, получается более тонкая градация эмоционального состояния персонажа, при которой нарастание его раздражения показано не за счет увеличения громкости

речи (зашипел — закричал), а при помощи наречия и обстоятельства образа действия, по-разному характеризующих то же речевое действие (почти зашипел — в злобе зашипел).

— Исключение из текста:

«— А ты бы меня лучше отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить» (машинопись 1938 г., с. 36). В машинописи 1939–1940 гг. в данном предложении отсутствует слово «лучше» (с. 37). Правка, по-видимому, обусловлена тем, что в предшествующем предложении также используется это слово: «<...>если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудею из Кириафа, право, это было бы лучше» (машинопись 1938 г., с. 36; машинопись 1939–1940 гг., с. 36). Следует отметить, что и в пятой редакции есть такой же повтор, как, собственно, и во всех других случаях разночтений, но мы не берем это за основу доказательства в данном исследовании. Суть заключается в том, что этот повтор здесь нужен: Иешуа подхватывает фразу Пилата через это слово.

6) Правка, касающаяся логики текста, например:

«— Нет, присядьте еще, — сказал Пилат, жестом останавливая своего гостя, — есть еще два вопроса. Второй: ваши громадные заслуги на труднейшей работе в должности заведующего тайной службой при прокураторе Иудеи дают мне приятную возможность доложить об этом в Риме» (машинопись 1938 г.; с. 393). И далее:

«— Мне это очень приятно. Итак, третий вопрос» (машинопись 1938 г.; с. 393).

В машинописи 1939–1940 гг. (с. 388) в этих предложениях порядковые числительные «второй» и «третий» заменены на «первый» и «второй» соответственно. Несомненно, Е. С. Булгакова исходила из фразы Пилата «Есть еще два вопроса». Между тем, если рассмотреть данные реплики в контексте целой главы, становится очевидным, что нарушение логики здесь лишь мнимое: точкой отсчета является первая просьба-поручение Пилата — похоронить казненных; после того как первый вопрос решен, Пилат переходит к еще двум вопросам (обратим внимание на наречие «еще», которое совсем не случайно использовано здесь Булгаковым).

Сравним аналогичное построение речи Пилата в эпизоде его встречи с Левием Матвеем: «Я призвал тебя, чтобы ты показал мне нож, который был у тебя» (машинопись 1938 г., с. 422). Не нумеруя фактически первую цель, Пилат четко обозначает вторую: «А теперь мне нужно второе: покажи хартию, которую ты носишь с собой, и где записаны слова Иешуа» (машинопись 1938 г., с. 423). Военный, чиновник, не терпящий ни малейшего отклонения от системы, требующий четкости исполнения

приказа, неукоснительно следующий букве закона, Пилат и свою жизнь и свою природу подчиняет той же строгости, что отражается и в модели его поведения и, следовательно, в оформлении его речи.

7) Введение дополнений, обстоятельств и т. п. для уточнения значения слова. В некоторых случаях такие вставки серьезно влияют на смысл текста, например: «— Так ты собирался разрушить здание храма, и призывал к этому народ?» (машинопись 1938 г., с. 22). В машинописи 1939–1940 гг. перед словом «ты» добавлено «это» (с. 23). Правка в машинописи 1939–1940 гг. обусловлена наличием слова «это» в предложении в самом начале допроса Иешуа: «— Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?» (машинопись 1938 г., с. 19; машинопись 1939–1940 гг., с. 20). Однако, несмотря на внешнее сходство этих двух предложений, их тема-рематическая структура совершенно различна. Здесь следует обратить внимание на то, что второе из процитированных предложений — первая фраза Пилата, обращенная к Иешуа. В контексте начала допроса этот вопрос направлен на установление соотношения личности обвиняемого (рема) и совершенного преступления (тема). В рассматриваемом же предложении с правкой личность Иешуа уже известна, и акцент переходит на уточнение состава преступления: ремой становятся «собирался разрушить здание храма» и «призывал к этому народ»; очевидно, что вопрос к грамматическому и логическому сказуемому, выраженному глаголами, не требует использования слова «это».

8) Союзы, например: «<...>острым слухом уловил прокуратор далеко и внизу, там, где каменная стена отделяла нижние террасы дворцового сада от городской площади, низкое ворчание <...>» (машинопись 1938 г., с. 38). В машинописи 1939–1940 гг. союз «и» заменен запятой (с. 39), однако следует отметить, что союз «и» в подобных конструкциях Булгаковым используется последовательно, ср.: «В это время откуда <то> снизу и издавека донесся слабый звон часов» (вторая редакция — Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 1. С. 78); «Но тут вдалеке и вверху замигал <нрзб> огонек какой-то лампадки и начал приближаться» (машинопись 1938 г., с. 315).

Еще одна подобная правка: «За столом покойного сидел неизвестный, тощий и длинный гражданин в клетчатом пиджачке, в жокейской шапочке и в пенсне... ну, словом, тот самый» (машинопись 1938 г., с. 117). В машинописи 1939–1940 гг. союз «и» заменен на запятую (с. 127), несмотря на то, что для Булгакова характерно соединение союзом «и» прилагательных, описывающих внешность человека, ср.: «Вместо Афрания на балкон вступил неизвестный маленький и тощий человек рядом с гигантом кентурионом» (машинопись 1938 г., с. 421).

9) Частицы, например:

«Ну, вот что, граждане: звоните сейчас в милицию, чтобы выслали пять мотоциклов с пулеметами, профессора ловить» (машинопись 1938 г., с. 76). В машинописи 1939–1940 гг. (с. 82) после слова «сейчас» добавлена частица «же», т.е. наречие приобретает значение «немедленно». Между тем суть слов Ивана заключается в распределении и планировании действий, о чем свидетельствует предложение, непосредственно следующее за процитированным выше: «А я пока что общу Грибоедова...».

10) Правка в области грамматики, в частности — грамматической формы слова, например числа существительных: «Разве можно посылать письма, имея такой адрес?» (машинопись 1938 г. с правкой — Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2. С. 189). В машинописи 1939–1940 гг. используется форма единственного числа — «письмо», причем окончание «о» выправлено из «а» в процессе печати (с. 199). Скорее всего, правка объясняется попыткой привести форму слова «письмо» в соответствие с предшествующим предложением, где сказано: «<...> легло бы письмо из сумасшедшего дома». Но если в первом случае говорится о конкретном письме, то во втором речь идет о письмах вообще, поэтому использование множественного числа здесь оправдано.

11) Приставки. Рассмотрим пример изъятия приставок в словах типа «поближе», «помедленнее», «поосторожнее»: «Увернувшись от него, Маргарита покрепче сжала щетку и полетела помедленнее, вглядываясь в электрические провода и вывески, висящие поперек тротуара» (машинопись 1938 г., с. 296). В машинописи 1939–1940 гг. используется слово «медленнее» без приставки «по» (с. 301). В этом контексте примечателен следующий случай: «— Пришлось вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер» (машинопись 1938 г., с. 485). В машинописи 1939–1940 гг. в слове «беспокоить» пропущенная в процессе печати приставка «по» напечатана над строкой (с. 470).

В 1963 г. Е. С. Булгакова перепечатывает роман. «Последний месяц был у меня очень заполнен, я подготовила и сдала Мишины рассказы для двух издательств. <...> Кроме того, переписала большой роман Миши», — сообщает Елена Сергеевна Ксении Александровне и Николаю Афанасьевичу Булгаковым в письме от 8 марта 1963 г. (Ф. 562. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 44). Нам известен экземпляр машинописного текста 1963 г., принадлежавший А. Ш. Мелик-Пашаеву и в настоящий момент хранящийся в ГБУК г. Москвы «Музей М. А. Булгакова».

Машинопись 1963 г. создана на основе машинописного текста 1939–1940 гг., при этом имеет ряд серьезных разночтений с ним¹⁴.

¹⁴ Полный свод обозначенных разночтений составлен и приведен нами в издании: Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст. Т. 2. С. 32–84.

Елена Сергеевна скрупулезно и бережно старалась завершить не завершенную Булгаковым правку романа. Но все же нецелесообразно использовать машинопись 1963 г. как источник установления его основного текста.

Самым серьезным изменением булгаковского текста в машинописи 1963 г. является возвращение последнего абзаца главы 32 (с. 210). Он совпадает с текстом машинописи 1938 г., кроме формы слова «воскресенье»:

«Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат» (машинопись 1938 г., с. 496).

Булгаков отказывается от данного фрагмента в период создания эпилога в мае 1939 г.

По замыслу Булгакова, вложенному им в уста мастера, последними словами романа должны были быть слова о жестоком пятом прокураторе Иудеи. В период работы над текстом машинописи в 1938 г. роман завершался именно так. Но в 1939 г. Булгаков продолжил его, написав эпилог. И теперь в конце эпилога и, следовательно, всего романа звучат слова «жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтийский Пилат».

Если бы воля автора, изъятая в устной или письменной форме, требовала возвращения рассматриваемого абзаца, то он был бы представлен в машинописи 1939–1940 гг. Кроме того, возвращение последнего абзаца главы 32 в машинописи 1963 г. повлекло за собой правку, нарушающую замысел Булгакова еще в одном аспекте. Так как в финальном предложении машинописи 1938 г. использовалось наименование прокуратора Иудеи *Понтий Пилат*, то оно, следовательно, переходит в текст машинописи 1963 г. В соответствии с этим здесь осуществляется правка в точке наименования героя (см. табл. 1).

Основным наименованием прокуратора Иудеи в романе является имя *Понтий Пилат*. Но в, скажем так, торжественных случаях имя принимает форму *Понтийский Пилат*: «<...> это я [вам] {тебе} говорю — Пилат *Понтийский*, всадник Золотое Копье!» (машинопись 1938 г. с правкой 1938–1940 гг. Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2. С. 42).

Нарушение последней творческой воли автора переходит и в опубликованные тексты, при подготовке которых исследователи во многом опирались на машинопись 1963 г. (см. табл. 2)

Таблица 1

Машинопись 1938 г. с правкой 1938–1940 гг. (Ф. 562. К. 10. Ед. хр. 2)	Машинопись 1939–1940 гг.	Машинопись 1963 г.	Текст, подготовленный А. А. Саакянц	Текст, подготовленный Л. М. Яновской
«Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут — пятый прокуратор Иудеи <u>Понтийский Пилат</u> » (с. 175–176).	«Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: ...пятый прокуратор Иудеи <u>Понтийский Пилат</u> » (с. 185–186).	«Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: «...пятый прокуратор Иудеи, всадник <u>Понтий Пилат</u> »» (с. 171).	«Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: «...Пятый прокуратор Иудеи, всадник <u>Понтий Пилат</u> »».	«Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: «...Пятый прокуратор Иудеи всадник <u>Понтий Пилат</u> »».
«Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто. Ни безносый убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник <u>Понтийский Пилат</u> » (с. 512).	«Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто. Ни безносый убийца Гистаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник <u>Понтийский Пилат</u> » (с. 493).	«Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто: ни безносый убийца Гестас, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник <u>Понтий Пилат</u> » (с. 225–226).	«Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто. Ни безносый убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник <u>Понтий Пилат</u> ».	«Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто: ни безносый убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник <u>Понтий Пилат</u> ».

Таблица 2

Пятая редакция (Ф. 562. К. 7. Ед. хр. 12, С. 1013)	Машинопись 1938 г. (с. 470)	Машинопись 1939–1940 гг. (с. 458)	Машинопись 1963 г. (с. 187)	Тексты, подготовленные А. А. Саакянц, Л. М. Яновской
«— Конечно, — горестно сказал мастер, — теперь налицо вместо одного сумасшедшего двое!.. И муж и жена!»	«— Конечно, конечно, — иронически сказал мастер, — теперь, стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое! И муж и жена».	«— Конечно, конечно, — иронически сказал мастер, — теперь, стало быть, налицо, вместо одного сумасшедшего, двое! И муж и жена».	«— Конечно, конечно, — иронически сказал мастер, — теперь, стало быть, налицо, вместо одного сумасшедшего — двое — и муж и жена».	«— Конечно, конечно, — иронически сказал мастер, — теперь, стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое! И муж и жена».

При установлении основного текста романа мы руководствовались комплексом следующих принципов:

- изучение истории текста романа;
- исследование системы правки романа шестой редакции;
- сопоставление с последней рукописной (пятой) редакцией романа;
- опора на машинописный текст романа 1939–1940 гг. с учетом характера печати и правки Е. С. Булгаковой.

Таким образом, источником установления основного текста романа «Мастер и Маргарита» является машинописный текст 1938 г. с системой правки 1938–1940 гг., включая изменения текста, сделанные в машинописи 1939–1940 гг. до главы 19 включительно с учетом характера печати и правки Е. С. Булгаковой.

